

28-7-1979

ИНДУСТРИАЛЬНАЯ КАРАГАНДА

ПРИЗНАЕМСЯ: у нас было опасение, суть которого сводилась к тому, что гастролы карагандинцев могут оказаться как это редко, но бывало, проходными для стольного зрителя. Слишком мало знали москвичи об этом театре, чтобы заранее, авансом раздавать комплименты.

Тем приятнее, что гастролы полностью опровергли опасение, и теперь даже страшно кажется, как оно могло появиться. Здесь, думаюется, лишний довод в пользу того, что нельзя судить об искусстве по шаблону: смажем, выводить значимость вещи лишь по географическому местонахождению театра.

Уже первый спектакль «Черное ожерелье» (инсценировка романа Ш. Муртазаева) показал, что театр обладает хорошей труппой. Хорошей в том плане, что, помимо естественного профессионализма, актеры смогли вложить в достаточно сложную, многоплановую пьесу

ТРУДНЫЙ ЭКЗАМЕН

душу, страсть и то свое видение событий, без которых спектакль стал бы не очень интересной иллюстрацией к литературному произведению. Правда, первое за всю историю театра выступление в Москве уже отзывалось к творческому подходу, воодушевляло. Но было и другое заметно — хороший темперамент, тонкое изящество, с которым актеры делали свою работу на сцене. — не упомянутое явление, скорее всего это в традициях театра, таков, видимо, художественный вкус карагандинцев.

О вкусе, об определенной решительности и немалых способностях труппы особенно ярко говорит спектакль «Гнездо глухаря». Пьеса В. Розова, по которой он поставлен, вызвала интерес сразу же после опубликования в журнале «Театр». До-

К ИТОГАМ ГАСТРОЛЕЙ КАРАГАНДИНСКОГО РУССКОГО ДРАМАТИЧЕСКОГО ТЕАТРА ИМЕНИ К. СТАНИСЛАВСКОГО В МОСКВЕ

статочно полемически заостренная по части нравственных проблем, она выходит на более широкий, обобщающий образ жизни, чем сказано в ее подзаголовке — «семейные сцены». В Москве пьеса еще не шла. Намеревался поставить ее А. Эфрос в Театре на Малой Бронной; возможно, осенью нынешнего года покажет «Гнездо глухаря» МХАТ. Поэтому вполне понятно большой интерес московских зрителей к постановке карагандинцев (ее осуществлял главный режиссер театра Н. Воложанин). Сразу скажем: спектакль удался. Чем ближе подходил он к концу, тем яснее становилось, что главные акценты постановки расставлены

не на том, что первым может прийти на ум: на ложном самолюбии и мнимом благополучии Судакова, главы семьи (Д. Белов), на истории бесславного падения карьериста Ясюнина, зятя Судакова (А. Григоров). Центром стал как бы второй, но, пожалуй, самый важный план пьесы: судьбы Прова, сына Судакова (Г. Рогов), и Зои, подруги Прова (Л. Аплеснина), их светлый юношеский мир, который так и не взят в полон затхлым мещанством, глухим равнодушием к судьбам других людей. Если смотреть шире, в этом угадывалась позиция театра, декларирующего защиту человеческого достоинства, душевную чуткость.

Получал ответ и самый естественный вопрос, относимый ко всякого рода гастролям: что же дает театр своим зрителям в смысле воспитания нравственного, а если дает, то на должном ли уровне?

«Лицо театра актерское, а не режиссерское», — услышал я от одного из критиков после спектакля. Именно это мнение разделяло большинство, не умаляя, однако, достоинства одного и противояс другому. Напротив, даже похвально, когда о работе режиссера судят по тому, насколько четко и гармонично сыграли актеры. Когда состоялось коллективное обсуждение московскими критиками спектаклей караган-

динцев, это обстоятельство отмечалось в первую очередь. Театр называли также психологическим. Тому были весомые основания. При всем том, что решение некоторых спектаклей представлялось спорным, вызвало уважение активное стремление коллектива говорить глубоко и страстно о наиболее волнующих сторонах жизни. Будь это инсценировка повести В. Тендрякова «Ночь после выпуска» — спектакль-диспут, острый банцистический спор о душевном максимализме и душевной деликатности: или одна из лучших спектаклей гастролей «Жесткие игры» по пьесе А. Арбузова (режиссер Н. Воложанин).

Летние гастролы

Даже трудно однозначно сказать, чем же взял за живое зрителей этот спектакль. Оригинальностью ли режиссерского и сценарнографического решения или же прямо-таки пронзительной искренностью исполнения главных и второстепенных ролей. «Люди должны быть добрыми, несмотря ни на что — вот главное условие жизни» — эта известная арбузовская мысль была воплощена столь тонко и достоверно, что спектакль стал не просто волнующим, он стал спектаклем, воздействующим на человеческие сердца и умы. Порой казалось, что не героям спектакля, а самим актерам хотелось высказаться со всей полнотой души: Л. Аплеснина (Нэли), А. Мищенко (Кай), А. Добронравов (Терентий), Г. Рогов (Никита), А. Булдаков (Мишка Земцов), В. Корниенко (отец Терентия), В. Де-

вяшина (мать Нэли). Зритель ждал от них доверительного разговора, и он состоялся.

Хотелось бы остановиться еще на двух спектаклях, которые, на наш взгляд, оказались в тени общественного интереса. Это «На бойком месте» А. Островского и пьеса-сказка Е. Черныка и С. Гелоди «Сестрица Аленушка и братец Иванушка». Прекрасные, особенно в сказке, декорации (художник В. Вильчинский), разумеется, не могут быть самым главным компонентом всеобщего действия. И в том, и в другом спектакле на первый план выступало увлечение стилизацией под русскую старину, а не глубокая разработка персонажей. Образы вышли однозначными, упрощенными.

В целом же свою миссию театр выполнял. Его спектакли обогатили художественную жизнь Москвы.

В. АРСЕНЬЕВ.

МОСКВА.
(«Казахстанская правда»).